

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Научная статья

УДК 94(100)“1914/19”;94(436).08;94(497.4);94(450).094

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-236-244

Армия и распад Габсбургской монархии в 1918 г.

Владимир Валерьевич МИРОНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

mironov.vladimir@hotmail.com

Аннотация. Рассмотрен процесс дезорганизации вооруженных сил Австро-Венгрии в 1918 г. через призму национального вопроса и перспективы дальнейшего сохранения Габсбургской монархии. Сделан вывод, что одержанные в начале 1918 г. Австро-Венгрией военные и дипломатические победы были иллюзорными и лишь отстранивали неминуемое поражение ее армии. Расследование первых случаев массового выхода из повиновения воинских частей весной–летом 1918 г. показало, что они являлись переплетением социальных, национально-политических и собственно военных причин. В то же время выявлено серьезное расхождение между словенскими и итальянскими исследователями в интерпретации причин восстания в расквартированном в словенском Радкерсбурге (Радгоне) 97-м пехотном полку. Если для первых было характерно, следуя марксистской традиции, подчеркивание социальных противоречий, которые привели к революционизации армии по «русскому образцу», то вторые воспевают участников восстания с итальянской стороны как подлинных национальных патриотов. Показано, что «ударной силой» всех вспыхнувших весной–летом 1918 г. в австро-венгерской армии солдатских восстаний стали военнослужащие, вернувшиеся весной 1918 г. из русского плена, где часть из них прониклась революционными идеями. Сделан вывод о крайней суровости военного правосудия, обрекшего на смертную казнь многих восставших, что стало причиной депутатских запросов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгрия, армия Австро-Венгрии, 1918 год, мятежи, военная юстиция

Для цитирования: Миронов В.В. Армия и распад Габсбургской монархии в 1918 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 194. С. 236-244. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-236-244>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-236-244

The army and the collapse of the Habsburg Monarchy in 1918

Vladimir V. MIRONOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
mironov.vladimir@hotmail.com

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Миронов В.В., 2021

Abstract. The process of disorganization of the armed forces of Austria-Hungary in 1918 is considered through the prism of the national issue and the prospects for the further preservation of the Habsburg Monarchy. It is concluded that the military and diplomatic victories won in the early 1918 by Austria-Hungary were illusory and only put off the inevitable defeat of its army. Investigation of the first cases of mass withdrawal from obedience of military units in the spring and summer of 1918, showed that they were an interweaving of social, national-political and military reasons proper. At the same time, a serious discrepancy was revealed between Slovenian and Italian researchers in the interpretation of the reasons for the uprising in the 97th infantry regiment stationed in the Slovenian Radkersburg (Radgon). If for the former it was typical, following the Marxist tradition, to emphasize the social contradictions that led to the revolutionization of the army according to the “Russian model”, the latter praised the participants in the uprising from the Italian side as genuine national patriots. It is shown that the “shock force” of all the soldiers’ uprisings that broke out in the spring and summer of 1918 in the Austro-Hungarian army were servicemen who returned from Russian captivity in the spring of 1918, where some of them were imbued with revolutionary ideas. The conclusion is drawn about the extreme severity of military justice, which condemned many of the insurgents to death, which became the reason for deputy inquiries.

Keywords: World War I, Austria-Hungary, Army of Austria-Hungary, year of 1918, riots, military justice

For citation: Mironov V.V. *Armiya i raspad Gabsburgskoy monarkhii v 1918 g.* [The army and the collapse of the Habsburg Monarchy in 1918]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 194, pp. 236-244. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-236-244> (In Russian, Abstr. in Engl.)

В последний год своего существования имперская армия вступила под аккомпанемент блестящих побед, одержанных над военными противниками. Итальянские войска, потерпевшие осенью 1917 г. сокрушительное поражение при Капоретто (Кобариде), были отброшены к реке Пьяве, ставшей новой линией фронта. Русская армия, деморализованная с помощью большевистской и австро-германской пораженческой пропаганды, перестала существовать как боеспособная сила. Под оккупационным контролем Австро-Венгрии находились территории Сербии, Черно-

гории, Русской Польши и Румынии. На фоне перечисленных успехов создавалось впечатление, что военная машина Габсбургской монархии достигла пика своей славы [1, S. 281]. Но в действительности за красивым фасадом, созданным с помощью официальной пропаганды, скрывались многие нерешенные проблемы, подтачивавшие как извне, так и изнутри австро-венгерскую военную мощь [2, p. 797-798].

Правящим кругам Габсбургской монархии, слепком которой являлась «императорско-королевская» армия, предстояло компе-

тентно ответить на ряд «вызовов времени». Крайнее истощение экономических и людских ресурсов, порожденный войной продовольственный кризис угрожали ввергнуть общество в пучину анархии [2–5]. Российская революция, начертавшая на своих знаменах лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, создавала опасный прецедент [5; 6]. Могильщиком дуалистической монархии мог стать остро стоявший в годы войны национальный вопрос, неразрешенность которого в Австро-Венгрии эксплуатировалась военной пропагандой Антанты [7, р. 342-361].

Примечательно, что масштабные солдатские волнения были относительно редкими в австро-венгерской армии до 1918 г. Вслед за подавлением восстания военных моряков, вспыхнувшего в начале февраля 1918 г. в Бокке Которской, польский легион, возмущенный передачей Украине Холмщины в рамках Брестского мирного договора, предпринял в целом неудачную попытку пробиться к русским. Воинская часть была расформирована, а не участвовавших в бунте легионеров в качестве наказания отправили воевать в Северной Италии [8, с. 281].

Опасения, что революционные события в России могут повториться в Габсбургской монархии, существовали у правящих кругов Австро-Венгрии начиная с февраля 1917 г. и значительно усилились после прихода к власти большевиков. Уже во время январской всеобщей стачки 1918 г. в Австро-Венгрии протестующие охотно обращались к большевистским лозунгам, требуя заключения немедленного мира с Советской Россией. Но реформистски настроенным вождям австрийской социал-демократии удалось все же направить усилия забастовщиков в «упорядоченное русло» экономических требований и добиться разрядки накаленной до предела политической ситуации [6, S. 47].

Завершившиеся весной 1918 г. подписанием противоречивого Брест-Литовского договора переговоры о заключении мира между Центральными державами и Советской Россией привели к коренному изменению стра-

тегической ситуации на фронтах мировой войны. Пребывавшая в России гигантская масса военнопленных подлежала отправке на Родину, чтобы пополнить собой поредевшие ряды австро-венгерской армии, продолжавшей сражаться с Италией. До конца октября 1918 г. из русского плена прибыло свыше полумиллиона человек, уследить за настроениями которых не было никакой физической возможности. Но отправка на фронт бывших военнопленных, усвоивших в России «нормы» революционного поведения, без помещения их в своеобразный «моральный карантин» грозила обернуться заражением «бациллой большевизма» армии и всего общества в целом [9, S. 455-456]. В первую очередь опасались нелегального ввоза на территорию Монархии запрещенной литературы, которая могла стать хорошим подспорьем для разветвления большевистской агитации в армии. Этим обстоятельством объяснялось усиление значения агентурной работы, которая незримо велась среди военнопленных внедренными в их среду офицерами австрийской разведки [9, S. 464-467].

Недовольство репатриантов подпитывалось не только усвоенными в России революционными идеями, помноженными на кризисные явления в тылу, но и удручающе действовавшей психологической атмосферой. Все репатриированные – от солдата до генерала – принуждались к даче показаний об обстоятельствах их пленения, от которой был освобожден только капитулировавший весной 1915 г. гарнизон крепости Перемышль. Нередко с чрезмерным служебным рвением военные инстанции стремились получить информацию о поведении репатриантов во время пребывания в плену [6, S. 47-48].

Закономерным итогом стремительно ухудшавшегося материального снабжения в тыловых частях на фоне затягивавшейся войны стали волнения среди заново поставленных под ружье военнопленных. Общей чертой вспыхнувших весной 1918 г. восстаний являлось участие в них солдат славянских национальностей, вернувшихся из русского плена. Широкое по своей географии

протестное движение в австро-венгерской армии охватило территорию Штирии, земель чешской короны, словацкой и сербской провинций Венгрии. В авангарде восставших были словенцы, заслужившие в глазах военных властей репутацию верного и лояльного к Монархии народа. События в Юденбурге, Мурау (Мюрее) и Радкерсбурге (Радгоне) зримо продемонстрировали заразительность русского примера, переплетение социального и национального компонентов протестного движения. Главным зачинщиком Юденбургского восстания, вспыхнувшего 12 мая 1918 г. в запасном батальоне 17-го пехотного полка, стал капрал А. Хафнер. Летом 1915 г. он получил ранение в Галиции, после которого по ходатайству железной дороги в Любляне был освобожден от военной службы и работал кондуктором на поездах, доставлявших раненых с Изонцкого фронта [10, S. 78]. Уже задолго до майских событий А. Хафнер был известен военным властям как подписчик двух словенских газет социалистического толка. К числу «возвращенцев» из Советской России принадлежали такие организаторы восстания, как К. Можина, Л. Стефанич, Й. Давтович и др. Непосредственным поводом для начала восстания послужило резкое сокращение хлебного пайка, последовавшее 9 мая 1918 г., когда словенским солдатам было выдано лишь 250 г хлеба вместо полагавшихся 350. Выдача новой униформы посеяла тревогу среди словенцев, со дня на день ожидавших отправки на фронт. Вечером 12 мая под влиянием агитации А. Хафнера и его сподвижников солдаты запасного батальона 17-го пехотного полка покинули расположение воинской части и устремились в центр города, громя склады военного имущества, продовольственные и вещевые лавки [11, S. 325-327]. К утру следующего дня около 1200 восставших покинули город и устремились в направлении Крайны. Военное командование надеялось восстановить порядок в Юденбурге с помощью направленных туда карательных войск, организовавших облаву на восставших в городских окрестностях. 13 мая были схвачены 500 участников восстания, большинство которых не оказали со-

противления при их задержании. Лишь на крестьянской усадьбе Эппенштейн произошел короткий бой между преследователями и беглецами, завершившийся в пользу первых. Один восставший был убит, четверо – схвачены и еще несколькими удалось скрыться. 15 мая в Юденбурге приступил к работе военно-полевой суд, признавший виновными в бунте 7 человек, которые были приговорены к смертной казни через расстрел. Один из них был «помилован» отбывтием десятилетнего тюремного заключения. 16 и 18 мая в Юденбурге при огромном стечении публики и выстроившегося в каре военного гарнизона состоялись экзекуции над приговоренными к смертной казни восставшими [11, S. 337-341].

Следующей «горячей точкой», где дало о себе знать открытое возмущение словенских «возвращенцев» нехваткой продовольствия и его rationированием в армии и в тылу, а также предстоявшей отправкой на фронт стал инцидент в Мурау (Мюрее) 14 мая 1918 г. среди военнослужащих 7-го егерского батальона, своевременно улаженный местными гражданскими властями. После вечерней переклички солдатская депутация, насчитывавшая около 200 человек, завладев боеприпасами на впоследствии преданном огню казенном складе, устремилась к продуктовой лавке городской общины. В переговоры с ней поспешили вступить представители военного командования, попытавшиеся заверить восставших в том, что на интендантском складе попросту отсутствует требуемый ими хлеб. Местная гражданская администрация, стремясь предотвратить эскалацию насилия, распорядилась выдать каждому из восставших по буханке хлеба [11, S. 342]. Ключевую роль в развитии восстания играл егерь Б. Олип, недавно прибывший из русского плена и примкнувший там к революционному движению. Он старался убедить своих сослуживцев оставить часть и отправиться в Крайну. Небольшая группа военнослужащих 7-го егерского батальона во главе с Б. Олипом переночевала на железнодорожном вокзале, на который утром 15 мая прибыла карательная часть, состоявшая из венгров и румын 37-го пехотного полка. Несмот-

ря на отсутствие всякого сопротивления со стороны словенских егерей, действия карателей отличались чрезмерным применением военной силы, пример которому подал командовавший ими подполковник Шмидт. Он первым открыл огонь по спящим словенцам, легко ранив двоих и тяжело одного из них. В казарме были разоружены 162 егеря, а шести военнослужащим удалось скрыться. Военные власти распорядились блокировать городские улицы, ведущие на юг, в направлении Крайны, усилить контроль на железнодорожном транспорте и временно восстановить упраздненные телесные наказания в запасных частях. Жертвами военно-полевого правосудия в Мурау стали шесть военнослужащих, среди которых был Б. Олип. В прощальном письме он продекларировал свою приверженность национальному освобождению Словении: «Я умираю с радостью за национальное дело... Я умираю почетно, не как вор или разбойник, а как словенский парень, как может умереть сын словенской матери» [12, S. 238].

Третье по счету солдатское выступление, вспыхнувшее в двадцатых числах мая 1918 г. в г. Радкерсбург (Радгона) среди «возвращенцев» 97-го пехотного полка¹, обросло политическими мифами и историографическими легендами. В 1920-х гг. итальянские фашисты добились включения некоторых участников восстания, казненных по приговору военно-полевого суда, в пантеон национальных героев, когда было, в частности, организовано официальное перезахоронение останков Р. Вреха и Д. Маньяччо на итальянской территории [13, p. 120]. Стереотипным даже для современной итальянской историографии стало рассмотрение участия 97-го пехотного полка в сражениях Первой мировой войны исключительно через призму поражения, дезертирства и добровольного перехода на сторону противника вопреки обилию примеров воинского героизма итальянцев в составе австро-венгерской армии [13,

p. 123-125]. Словенские и итальянские исследователи расходятся в отношении характера восстания. Если первые склонны изображать его заранее спланированной акцией, то вторые, не оспаривая наличия у повстанцев некоего подобия плана, подчеркивают, что импульс, который привел к восстанию, был чисто случайным [13, p. 121]. В «анатомии» Радкерсбургского (Радгонского) мятежа важное место принадлежало не только национально-политическим мотивам, но и армейской солидарности, с проявлениями которой были связаны его ключевые моменты.

Вечером 23 мая 1918 г. в ответ на требование командира военного патруля фельдфебеля Жадковича покинуть трактир «Ристль», обращенное к солдатам 97-го пехотного полка, взводный А. Мелихен взобрался на стол и произнес под аплодисменты своих сослуживцев речь подстрекательского характера, установить точно содержание которой в наши дни уже не представляется возможным. Известно лишь, что он завершил ее кличем «Да здравствуют югославы!»¹. Быстро распространившееся среди военнослужащих гарнизона известие об аресте А. Мелихена привело их в состояние крайнего возбуждения, и они устремились на казарменный двор, где и началось восстание. Первому нападению подверглась канцелярия, из помещения которой были вынесены и уничтожены списки военнослужащих, наличные деньги и предметы обстановки [11, S. 350]. Главной целью восставших был захват склада боеприпасов, расположенного в центре города. Командование предстоявшей операцией взял на себя капрал Р. Удович. Но осуществлению задуманного помешала горстка офицеров и военных полицейских, вшестером остановивших многократно превосходившие их силы восставших. Вечером на помощь оборонявшимся прибыло подкрепление, и повстанцы были вынуждены отступить и забаррикадироваться в помещении казармы. Последовал неудачный штурм, стоивший жизни одному из атакующих. При поддержке пулеметов им все же удалось овладеть казармой и взять в плен около 300 мятежников. Следст-

¹ Национальный состав полка, районом комплектования которого служил Триестский округ, в 1914 г. был следующим: 45 % – словенцы, 27 % – хорваты, 20 % – итальянцы, 8 % – другие.

вие столкнулось с массовым отказом от дачи свидетельских показаний и лишь под угрозой децимации ему удалось собрать довольно скудный обвинительный материал [11, S. 352-355]. Но его оказалось достаточно, чтобы вынести смертный приговор восьми участникам восстания. 27 мая состоялась казнь А. Мелихена и Р. Удовича, а через два дня их участь разделили М. Фрай, А. Шваб, П. Хвало, Л. Веллан, Р. Врех и Д. Маньяччо [13, p. 116].

В отличие от стихийно развивавшихся выступлений в Юденбурге, Мурау и Радкерсбурге, восстание запасного батальона 7-го стрелкового полка, расквартированного в г. Румбург (Румбурк), в северо-восточной Богемии обнаруживает принципиально иной уровень организации и дисциплины его участников. До конца мая 1918 г. в состав батальона влились 839 военнопленных, вернувшихся из Советской России. К их числу принадлежал Ф. Ноха, прошедший там суровую революционную школу. Окончание ненавистой войны он связывал с насильственным свержением существовавшего государственного строя в результате захвата восставшими железнодорожных коммуникаций и средств связи. Локальное по своему характеру восстание Ф. Ноха считал частью мирового революционного пожара [11, S. 358]. Начавшись на почве неповиновения командной власти офицеров, восстание вскоре перешагнуло рамки одной воинской части. Вместе с тем военнослужащие-немцы, составлявшие в ней 41 %, отказались поддержать вспыхнувшее восстание. Об отношении немецких солдат к участию в нем можно судить по сохранившимся архивным документам. Так, в уголовном деле, заведенном против стрелка А. Тюнхофа по обвинению в самовольной отлучке, была сделана следующая запись: «...Обвиняемый отказался последовать призыву мятежников присоединиться к ним и покинул казарму вместе с другими верными своему долгу военнослужащими, но отправился за городскую черту»².

² Österreichisches Staatsarchiv. Kriegsarchiv. Militärgerichtsarchiv, Karton 2217/18, Straftakt K 5626/1918, Anton Thünhof.

Под командованием вольноопределяющегося С. Водички стрелки направились в расположенное поблизости с. Оберхеннерсдорф, где дислоцировалась пулеметная рота. Завладев пулеметами, восставшие поспешили нарушить на железнодорожном вокзале телефонную и телеграфную связь. Они возлагали надежды на то, что их поддержат соратники в гарнизонах окрестных городов, в первую очередь, военнослужащие 18-го пехотного полка, расквартированного в Бемишер Ляйпе (Чешской Липе). На станции Шенлинде одна группа восставших остановила поезд, следовавший из Праги в Румбург, высадила его пассажиров и отправилась на нем в Хайду (Новый Бор). Другая группа стрелков погрузила пулеметы и боеприпасы на грузовой автомобиль и выехала в том же направлении. Первое серьезное столкновение с карателями с использованием пулеметов и ручных гранат произошло в окрестностях Хайды. Вскоре с помощью военной хитрости последним удалось заманить восставших в указанный населенный пункт и блокировать их. После отклонения стрелками предложения о капитуляции каратели пошли на штурм, в результате которого в плен были взяты около 300 человек, среди которых находились С. Водичка и Ф. Ноха.

Перед военно-полевыми судами, заседавшими в Румбурге, Хайде и Терезине, предстали в общей сложности 38 участников восстания. Только в семи случаях обвиняемые были переданы в компетенцию «обычного» судопроизводства. 24 стрелка были приговорены к смертной казни, 14 из которых были «помилованы» отбытием длительного тюремного заключения. 29 мая в Румбурге и Хайде состоялись казни десяти восставших [11, S. 360-365]. Крепость Терезин стала местом предварительного заключения 310 военнослужащих, участвовавших в восстании. Ужасающие условия их содержания в октябре 1918 г. стали предметом депутатского запроса представителей чешского парламентского клуба, направленного министру национальной обороны. Причины восстания связывались в указанном документе с недостаточным продовольственным снабжением и

грубым обращением со стороны некоторых офицеров. Обращалось внимание на полугодное существование узников и отсутствие у них необходимых предметов одежды и обуви. Камеры, как правило, не отапливались, следствием чего являлось огромное количество заболеваний и случаев смерти арестантов. В запросе высказывалось опасение, что три четверти находившихся под предварительным следствием узников могли не дожить до его окончания. Ссылаясь на помилование участников восстания польского корпуса и моряков Боки Которской, чешские депутаты поставили перед министром национальной обороны вопрос о готовности его содействовать изданию акта амнистии в отношении военнослужащих 7-го стрелкового полка³.

Образованные непосредственно после подавления солдатских восстаний военно-полевые суды вершили скорую расправу. Сведения о них вскоре стали известны общественности, несмотря на строгую цензуру, и вызвали острую реакцию депутатов австрийского рейхсрата от национальных партий. Не соглашаясь с официальной версией произошедшего, согласно которой за волнениями в тыловых гарнизонах австро-венгерской армии стояла Антанта, развернувшая к тому времени мощное пропагандистское «наступление», представители Словенской народной партии направили в июле 1918 г. депутатский запрос правительству, потребовав от него сурового наказания участников «судебного убийства» в Юденбурге [14, S. 116-119].

Словацкий военный историк Я. Жаткова опубликовала документы Венского военного архива, проливающие свет на предысторию, ход и последствия восстания в запасном батальоне 71-го пехотного полка, расквартированного весной 1918 г. в Крагуеваце – на территории оккупированной Сербии. Из них

следует, что вернувшихся из русского плена словацких солдат возмущало грубое обращение офицеров, плохое качество выдававшегося довольствия и обмундирования. Реалии тыловой жизни резко контрастировали с тем, к чему они успели привыкнуть в России после октября 1917 г.: отсутствие различий между офицерами и солдатами, право занятия любыми ремеслами и свободного передвижения по стране. В разговоре с внедренным в среду «возвращенцев» агентом австрийской контрразведки один из них – фельдфебель И. Янкулик выразил уверенность в том, что скоро вспыхнет революция. Он рассказал о существовании целой сети агитаторов, которые еще в период прохождения проверки на благонадежность после возвращения из плена условились развернуть подрывную работу среди гражданского населения во время полагавшихся им отпусков. В ночь со 2 на 3 июня 1918 г. «возвращенцы», которых насчитывалось в воинской части 2400 человек, взбунтовались и были силой принуждены к порядку оставшимися верными командованию другими воинскими частями [15, р. 91-92].

Последовавшее за подавлением восстания судебное разбирательство, проводившееся по законам военного времени, значительно превзошло по своей «кровожадной жатве» состоявшиеся ранее аналогичные процессы над нарушителями воинской дисциплины. Военное правосудие обрекло на смерть 44 участника восстания, без промедления казненных и «заботливо» уложенных по двое в 22 могилы, заранее вырытых палачами [16, S. 156].

Напуганное прокатившимися по стране восстаниями военное министерство серьезно отнеслось к выяснению причин произошедшего, выделив три их группы: социальные, национально-политические и собственно военные. К первым были отнесены распространение большевистской агитации репатрированными из русского плена военнослужащими, недостаток довольствия и обмундирования, слишком короткие отпуска, невыплата причитавшихся «возвращенцам» пособий и плохие условия размещения. Под национально-политическими причинами понима-

³ Haus der Abgeordneten. 93. Sitzung der XXII. Session am 25. Oktober 1918: Anfrage des Abgeordneten Dr. Franz Lukavsky, L. Pik und Genossen an den Minister für Landesverteidigung, betreffend die militärischen Inquisiten und Arrestanten in Theresienstadt. URL: <http://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=spa&datum=0022&size=45&page=14577> (accessed: 19.12.2012).

лись исходившая из гражданской среды пропаганда национальных движений, неуважение к государственной власти и к законам вследствие продолжавшегося амнистирования изменников, слишком большая свобода прессы, присутствие в гарнизонах посторонних гражданских лиц и недостаточный контроль над лагерями беженцев. К военным причинам причислялись недостаток кадровых офицеров в тылу, практика предоставле-

ния отсрочек от вынесенных трибуналами приговоров [11, S. 401-406].

Таким образом, имперская армия не выдержала испытания социальными проблемами и национальным вопросом, которые в условиях системного кризиса государства и общества приобрели угрожающие самому существованию Габсбургской монархии масштабы.

Список литературы

1. *Ligeti D.A.* Der Zusammenbruch der österreichisch-ungarischen Heeres im 1918 laut der Bestätigungspapiere von Arthur Arz von Straussenburg // *ÖT KONTINENS*, Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2009. S. 279-294.
2. *Rauchensteiner M.* The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918. Wien; Köln; Graz: Böhlau Verlag, 2014. 1181 p.
3. Heimatfronten. Dokumente zur Erfahrungsgeschichte der Tiroler Kriegsgesellschaft im Ersten Weltkrieg / Hsg., eing. und kommentiert von O. Überegger. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2006. Bd. 1. 1164 S.
4. *Rettenwander M.* Stilles Heldentum? Wirtschafts- und Sozialgeschichte Tirols im Ersten Weltkrieg. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1997. 391 S.
5. *Spann G.* Zensur in Österreich während des 1. Weltkrieges 1914–1918. Wien, 1972. 465 S.
6. *Moritz V., Leidinger H.* Kommunismusbekämpfung. Das Wiener Beispiel 1918–1921 // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. 2008. S. 46-57.
7. *Cornwall M.* The Undermining of Austria-Hungary: the Battle for Hearts and Minds. Basingstoke; London; New York: Antony Rowe LTD, Chippenham, Wiltshire, 2000. 485 p.
8. *Миронов В.В.* Поляки в военной организации Габсбургской монархии. 1914–1918 гг. // Поляки в истории российской провинции XIX–XX в. Диалог цивилизаций: материалы Междунар. науч. конф. Тамбов, 2010. С. 274-283.
9. *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa. 1917–1920. Wien: Böhlau Verlag, 2003. 754 S.
10. *Lojze U.* Anton Hafner, voditelj upora slovenskega vojaštva v Judenburgu 12. maja 1918 // *Loški razgledi*. 1968. Vol. 15. № 1. S. 78-88.
11. *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1974. Bd. 1. 420 S.
12. *Pleterski J.* Prva odločitev Slovencev za Jugoslavijo. Politika na domačih tleh med vojno 1914–1918. Ljubljana: Slovenska matica, 1971. 323 S.
13. *Vogrič I.* Italijansko zgodovinopisje o uporu 97. pehotnega polka v Radgoni leta 1918 // *Prispevki za Novejšo Zgodovino*. 2003. Vol. XLIII. № 2. P. 115-129.
14. Haus der Abgeordneten. 79. Sitzung der XXII. Session am 22. Juli 1918: Anfrage des Abgeordneten Dr. Korosec und Genossen an die Gesamtregierung wegen der Hungerunruhen bei einigen Ersatzkörpern und der dabei seitens der Militärgerichte begangenen Justizmorde // *Oberkofler G., Rabofsky E.* Hans Kelsen im Kriegseinsatz der k.u.k. Wehrmacht. Eine kritische Würdigung seiner militärtheoretischen Angebote. Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1988. S. 110-197.
15. *Zaťková J.* Dokumenty k nepokojom medzi navrátilcami počas prvej svetovej vojny // *Vojenská História*. 2015. № 19 (2). P. 83-104.
16. *Austerlitz F.* Austerlitz spricht. Ausgewählten Aufsätze und Reden. Im Auftrag der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei Deutsch-Österreichs / Hsg. von J. Braunthal. Wien: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung, 1931. 335 S.

References

1. Ligeti D.A. Der Zusammenbruch der österreichisch-ungarischen Heeres im 1918 laut der Bestätigungspapiere von Arthur Arz von Straussenburg. *ÖT KONTINENS, Eötvös Loránd Tudományegyetem*. Budapest, 2009, S. 279-294. (In German).
2. Rauchensteiner M. *The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918*. Wien, Köln, Graz, Böhlau Verlag Publ., 2014, 1181 p.
3. Überegger O. *Heimatfronten. Dokumente zur Erfahrungsgeschichte der Tiroler Kriegsgesellschaft im Ersten Weltkrieg*. Innsbruck, Universitätsverlag Wagner Publ., 2006, Bd. 1, 1164 S. (In German).
4. Rettenwander M. *Stilles Heldentum? Wirtschafts- und Sozialgeschichte Tirols im Ersten Weltkrieg*. Innsbruck, Universitätsverlag Wagner Publ., 1997, 391 S. (In German).
5. Spann G. *Zensur in Österreich während des I. Weltkrieges 1914–1918*. Wien, 1972, 465 S. (In German).
6. Moritz V., Leidinger H. Kommunismusbekämpfung. Das Wiener Beispiel 1918–1921. *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*, 2008, S. 46-57. (In German).
7. Cornwall M. *The Undermining of Austria-Hungary: the Battle for Hearts and Minds*. Basingstoke, London, New York, Antony Rowe LTD, Chippenham, Wiltshire Publ., 2000, 485 p.
8. Mironov V.V. Polyaki v voyennoy organizatsii Gabsburgskoy monarkhii. 1914–1918 gg. [Poles in the military organization of the Hapsburg Monarchy. 1914–1918]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Polyaki v istorii rossiyskoy provintsii XIX–XX v. Dialog tsivilizatsiy»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Poles in the History of the Russian Province of the 19th – 20th Centuries. Dialogue of Civilizations”]. Tambov, 2010, pp. 274-283. (In Russian).
9. Leidinger H., Moritz V. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa. 1917–1920*. Wien, Böhlau Verlag Publ., 2003, 754 S. (In German).
10. Lojze U. Anton Hafner, voditelj upora slovenskega vojaštva v Judenburgu 12. maja 1918. *Loški Razgledi*, 1968, vol. 15, no. 1, pp. 78-88. (In Slovenian).
11. Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A. *Innere Front. Militärassistenten, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918*. Wien, Verlag für Geschichte und Politik Publ., 1974, Bd. 1, 420 S. (In German).
12. Pleterski J. *Prva odločitev Slovencev za Jugoslavijo. Politika na domačih tleh med vojno 1914–1918*. Ljubljana, Slovenska matica Publ., 1971, 323 p. (In Slovenian).
13. Vogrič I. Italijansko zgodovinopisje o uporu 97. pehotnega polka v Radgoni leta 1918. *Prispevki za Novejšo Zgodovino*, 2003, vol. 43, no. 2, pp. 115-129. (In Slovenian).
14. Haus der Abgeordneten. 79. Sitzung der XXII. Session am 22. Juli 1918: Anfrage des Abgeordneten Dr. Korosec und Genossen an die Gesamtregierung wegen der Hungerunruhen bei einigen Ersatzkörpern und der dabei seitens der Militärgerichte begangenen Justizmorde. In: Oberkofler G., Rabofsky E. *Hans Kelsen im Kriegseinsatz der k.u.k. Wehrmacht. Eine kritische Würdigung seiner militärtheoretischen Angebote*. Frankfurt am Main, Bern, Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften Publ., 1988, S. 110-197. (In German).
15. Zaťková, J. Dokumenty k nepokojom medzi navrátilcami počas prvej svetovej vojny. *Vojenská História*, 2015, no. 19 (2), pp. 83-104. (In Slovak).
16. Austerlitz F. *Austerlitz spricht. Ausgewählten Aufsätze und Reden. Im Auftrag der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei Deutsch-Österreichs*. Wien, Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Publ., 1931, 335 S. (In German).

Информация об авторе

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, mironov.vladimir@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>

Статья поступила в редакцию 02.08.2021
Одобрена после рецензирования 30.08.2021
Принята к публикации 08.10.2021

Information about the author

Vladimir V. Mironov, Doctor of History, Associated Professor, Head of General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, mironov.vladimir@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>

The article was submitted 02.08.2021
Approved after reviewing 30.08.2021
Accepted for publication 08.10.2021